

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.003

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ А.А. ГАССИЕВА:
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОРАНА

Светлана Ахсарбековна Айларова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-5098-5077>; aylarova54@mail.ru

Статья посвящена важной части исламоведческих трудов осетинского просветителя, религиоведа и богослова А.А. Гассиева – анализу эсхатологической концепции Корана. Богословские работы Гассиева лежали в русле церковной противомусульманской полемики, но отличались стремлением объяснить ислам как особый религиозный феномен, включали опору на европейское и российское академическое востоковедение и религиоведение. основополагающее положение его трудов – исламский монотеизм сложился под влиянием иудеохристианской идеи единства Бога. Автор отмечает строгость и последовательность коранического теоцентризма, его проявленность в эсхатологии, понимаемой как «второе творение». Однозначно постулируются атрибуты вечности, бессмертия и творчества как принадлежащие только Богу. В оригинальной коранической космологии отмечается близость двух образно-ноуменальных систем ислама и христианства, их ангелологии и демонологии, имеющих один библейский исток. Близка к библейской кораническая история «падшего» ангела Эблиса, т.е. история рождения сил зла в мире – демонов, восставших против Бога. Однако подчеркивание смертности ангелов свидетельствует о последовательности исламского теоцентризма, где бессмертие принадлежит только Аллаху. Труды А.А. Гассиева демонстрируют характерную для XIX в. логику общения христианской литературы с иноверием, в данном случае с исламом. В то же время подтверждают высокий статус богословия в российском исламоведении того времени, его содержательную наполненность и глубину. Здесь еще не представлена установка на постижение другой веры не как ложной, а как другой. Но глубина постижения, интеллектуальная честность ученого и богослова закладывают путь диалога и взаимопонимания.

Ключевые слова: осетинская интеллигенция, православие, ислам, Коран, А.А. Гассиев, эсхатология, ангелология, межрелигиозный диалог.

Для цитирования: Айларова С.А. Исламоведение А.А. Гассиева: эсхатологическая концепция Корана // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 17(24). С.47-57. DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.003

Введение

В творческом наследии осетинского просветителя Афанасия Абрамовича Гассиева исламоведческие исследования занимают особое место. С трудов по истории и культуре ислама начинается его научная биография философа, религиоведа и богослова, автора множества штудий историко-конфессиональной тематики. Это, прежде всего, богословские труды «Коран, его происхождение и образование» и «Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения»¹, написанные еще в период учебы в Киевской духовной Академии и опубликованные в ведомственном церковном издании [1]. Мы уже останавливались достаточно подробно на характеристике первой части его корановедческого диптиха [2]. Здесь получили освещение целый ряд сюжетов и проблем исламоведения: культура и религиозная обстановка доисламской Аравии, жизнь и проповедническая деятельность пророка Мухаммеда, рождение Корана, его первые редакции, отношение Корана к Христу и христианству, исторический триумф ислама.

В данной статье речь пойдет о его второй части, дающей глубокий религиозно-теологический анализ многих сторон Священного Предания мусульман. При том, что эти богословские работы А.А. Гассиева лежали в русле церковной противомусульманской полемики, они отличались стремлением объяснить ислам как особый религиозный феномен и включали в себя опору на академическое востоковедение и религиоведение, как российское, так и европейское. Так во многом строились все богословские трактаты аналогичной направленности в тогдашней церковной литературе [3–6].

В советской историографии исламоведческие работы А.А. Гассиева не изучались, более того, в них находили даже атеистическое содержание [7]. В постсоветский период интерес к интеллектуальному наследию самобытного осетинского мыслителя был вообще утрачен. Надо полагать, что пришло время посмотреть на его творчество как на серьезный вклад в религиоведение и богословие.

Основная часть

Если касаться академических подходов к изучению главной Книги мусульман, то вот, например, мнение видного российского и советского востоковеда И.Ю. Крачковского: «Большая ошибка – характеристику ислама делать преимущественно или исключительно на основании Корана. Он едва покрывает два первых десятилетия в развитии ислама. Коран во всей истории остается основанием учения, предметом обожествления; но для понимания исторического ислама он недостаточен» [8, б]. Между тем подход осетинского исламоведа был обозначен им четко и ясно – обратиться именно к основанию учения с тем, чтобы выяснить,

насколько исторический ислам развивался в соответствии с базовыми положениями Книги, ее духовно-нравственным фундаментом. Безусловно, в одной статье невозможно охарактеризовать все темы и проблемы, на которых сосредоточился Гассиев, но можно указать на некоторые: истоки, особенности и характер исламского монотеизма, эсхатология Корана, имеющая огромное значение для всей системы мировоззрения ислама.

Исламский монотеизм, учение о едином Боге, как главный догмат мусульманского Писания, сложился под влиянием иудеохристианской идеи единства Бога. Величественный образ Творца и Вседержителя в Коране воплощает яркие черты предшествующей религиозной традиции, является во многом повторением библейских завораживающих определений. «Все, что содержится в Коране относительно учения о Боге, составляет лишь бледное выражение сказанного в Ветхом Завете и Новом», – отмечает Гассиев [1, 108]. «Человеку, слышавшему историю Синайского Законодательства, псалмы Давида, пророческие изображения шествия Иеговы в Ветхом Завете, мысли Св. Иоанна и Павла, возвышенные речи книги Иова, надо было иметь хоть самую слабую творческую способность фантазии, чтобы из этого готового материала, в духе арабского племени, создать свое изображение бога, “свое откровение Бога”. Не важен образ, важна идея, выражаемая образом» [1, 110].

В своей полемике с концепцией европейских историков об особом «монотеизме пустынножителей», якобы лежащем в основе исламского образа Единого Бога, осетинский мыслитель решительно отвергает как несостоятельные утверждения французского религиоведа Э. Ренана об исламе как дальнейшем развитии свойственного арабам племенного культа Аллаха-Тейла. «Заниматься узкою национальной идеей, темною, покрытой мраком культа идолослужения, вместо того, чтобы воспользоваться ясными определениями и изречениями Ветхого Завета и Нового о единстве Бога, братстве и религиозно-нравственной равноправности пред Богом всех, было бы странно более, чем «искание неведомого Бога», притом человеком, не посвященным в таинства жреческой науки и секреты старинной религии арабов» [1, 110]. Как отмечает Гассиев, сам пророк Мухаммед подчеркивал, что он не создает новую религию. Его Бог – это также Бог иудеев и христиан. И сам Мухаммед – звено в длинном ряду посланников и пророков Всевышнего.

Но коранический образ Бога-Творца, Бога-Вседержителя имеет свои особенности, определяемые огромной дистанцией бесконечного духовного Абсолюта от своего творения – человека. «Учение Корана о Боге не содержит в себе такого оживляющего начала, какое дано в христианском догмате идеей Воплощения. Между человеком и Богом оставлена громадная пропасть. Поэтому-то в религиозном настроении мусульман мы на-

прасно искали бы теплого чувства, успокаивающей любви, ясного и смелого порыва духа; в нем лишь трепет ничтожества, давление идеи сверхъестественного влияния...» [1, 114].

Современное отечественное исламоведение подчас склонно акцентировать именно исконно арабские корни мусульманского «супертеоцентризма». – «Аллах ...появился в процессе абстрагирования, концентрированной квинтэссенцией множества старых племенных и национальных богов» [9, 7]. Но все исламоведы едины в понимании основной догмы ислама – неограниченной зависимости человека от воли Бога и абсолютной преданности Ему. Так, И. Гольдциер писал в начале XX столетия, что сочетание этих основоположений ислама – «господствующий принцип, живущий во всех проявлениях этой религии, в ее идеях и формах, в ее морали и культе и определяющий как отличительный признак ее своеобразную сущность» [10, 11].

Высшие богообразные свойства человеческой души: бессмертие, творчество, свобода – получают инаковую, отличную от христианской трактовку. «Магомет² нигде в Коране не высказывает христианской мысли о том, что душа составляет образ Божий, хотя в Коране же встречается выражение о сотворении человека из персти земной и повторяется рассказ библейский об Адаме...» [1, 117]. Как отмечает Гассиев, концепция монотеизма, содержащаяся в Коране, достаточно жестко и последовательно постулирует атрибуты вечности, бессмертия и творчества как принадлежащие Богу и только ему одному.

Это ярко проявилось в коранической эсхатологии, в трактовке последней судьбы человека и мира. Как важный элемент учения, эсхатологические представления Корана привлекают внимание исламоведов [11]. Эсхатологическое учение ислама развивалось столетиями, обогащаясь представлениями и образами, содержащимися в хадисах³, тафсирах⁴, мусульманской беллетристике. Несмотря на общие с христианством библейские истоки, эсхатологические концепции двух религиозных традиций дают разную интерпретацию и иные грани смысла в понимании этого феномена.

Осетинский мыслитель, в отличие, например, от современных исследователей [12], не стал скрупулезно отмечать те или иные сходства или отличия в конкретных образах, символах и сюжетах эсхатологической драмы Корана с христианским толкованием, а указывает на концептуальное отличие ее от христианской – «...со смертью весь ли человек возвращается к первоначальному небытию или умирает одно только тело, а душа **пребывает бессмертной?** (здесь и далее выделено А.А. Гассиевым – С.А.). Коран не дает утвердительного ответа на последний вопрос» [1, 117]. – Коллизии с бессмертным статусом человеческой души и определяют, по мысли Гассиева, становление особой коранической эсхатологии. – «Вся

кая душа испытывает смерть», – говорится в двух местах Корана» (3, 182; 2, 36)...». В ответ неверующим в воскресение Бог говорит: «Что же? Мы изнурились первым творением, что они сомневаются **в новом творении воскресения** (50, 14)». Именно это откровение, по мысли Гассиева, определило суть эсхатологического взгляда Книги. – «Первое творение было из небытия, следовательно, **и творение воскресения** будет из небытия; следовательно, наказание за грех постигает не одно тело, но и душу **всего человека**», – отмечает Гассиев [1, 117]. Следовательно, суть понимания воскресения в Коране – это отождествление бессмертия с воскресением, а воскресения – с новым творением. «Таким образом, бессмертие, по Корану, – это жизнь в бесконечном продолжении, бытие без конца, но такое, которое, прервавшись в акте обыкновенной смерти, затем восстановится и будет продолжаться бесконечно; бессмертие – это не непрерывное создание бытия, а бытие, начинающееся с восстановлением первоначального сознания и личности, только с известного момента и затем не имеющее уже конца» [1, 118]. Концепция «второго творения» стала краеугольным камнем коранического понимания бессмертия, хотя она и корректировалась и обогащалась в исламской истории. «Такое понятие только и можно составить, по Корану, о бессмертии, хотя мусульманская теология истолковала это понятие в духе христианского учения и поддерживает свое толкование и догматической аргументацией, и содержанием, смыслом песнопений молитвенных» [1, 118]. Как доказывает Гассиев, в христианской догматике воскресение не выступает как «второе творение» – это самостоятельное духовно-творческое явление, не сводимое ни к каким прежним проявлениям Божественной активности [13].

Вся красочная образность Корана нацелена на доказательство всемогущества Бога-Творца и первоначального акта творения, как основания возможности «второго творения». «Человек говорит: когда я умру, выйду ли я вновь живым? Человек разве не помнит, что Мы сотворили его, когда он был ничто» (19, 67-68). «О люди, если вы сомневаетесь в воскресении, рассмотрите, как Мы создали вас из персти...» (22, 5). «Мы сотворили вас из земли и повелели вам возвратиться в нее; потом повелим вам во второй раз выйти из нее» (20, 57). Ручательством этой возможности стало само чудо сотворения человека: его зачатие, образование и рождение. «Рассмотрите, как Мы создали вас из персти, потом из капли семени, затем из куска мяса, частью образовавшегося, частью необразовавшегося» (22, 5; 35, 10; 50, 11). Усиливают образную силу этих метафор сравнение будущего воскресения с расцветающей природой некогда высохшей пустыни, благоухающей теперь травой и цветами. Эта истина, вместе с истиною бытия Божьего, составляет основу коранического учения о будущей жизни, воздаянии и опору исламской морали.

В кораническом учении о воздаянии, мусульманском рае и аде подчер-

кивается сила, мощь Божественного творения, Божественной воли, постигнуть которую до конца человеку не дано. Так, Гассиев приводит выдержки из суры 11, где повествуется о грешниках, осужденных на адские муки. Вечны ли будут эти муки, или им будет положен некий предел – неизвестно. – «Там они проживут, пока просуществуют небеса и земля, если **Бог не захочет иначе: Бог твой творит, как желает**» (11, 109). Или далее: «Ответствуй (обращается Бог к Магомету) тем, кои говорят: «Мы не будем преданы пламени, разве только на определенное число дней», обещал ли вам это Бог? **И разве Он своего обещания никогда не отменит?** Не говорите вы того, чего не знаете: нечестивые подлинно снидут в ад вечный» (2, 11).

Ну а если вернуться к самой картине воскресения, здесь Гассиев вновь подчеркивает образное богатство и мощь коранической интерпретации: «Знамения великого дня воскресенья изображены в Коране довольно величественно. Магомет воспользовался при этом изображении всем могуществом и силою поэтической речи арабского языка. Нечто необыкновенное совершится тогда в природе, в мире физическом и нравственном. «В день воскресения, говорится в Коране, вся земля будет тростью (хрупкою) праха в руках Бога, и небеса согнутся, как обруч, в деснице его. А прозвучит труба – и все, что есть на небесах и на земле, умрет, исключая тех, которых Бог захочет оставить (которые будут исполнять повеления Божии в час всеобщей смерти; потом и они умрут, чтобы быть воскрешенными); потом прозвучит другой раз – и вот все существа выпрямятся (восстанут) и будут ждать... И земля заблестит светом своего Господа» (39, 67-69).

Частью коранической эсхатологии является оригинальная космология, то есть вера в существование между единым Богом и миром людей особого промежуточного мира, особых существ, пребывающих вне видимой действительности, служащих Богу, или активно противостоящих ему. Гассиев отмечает близость двух образно-ноуменальных систем ислама и христианства, их ангелологии и демонологии, имеющих один библейский исток. В то же время они обладают рядом отличий – в христианстве, например, ангелология весьма развита и четко структурирована; мусульманская же образно богаче, поскольку, помимо библейских первообразов, опирается на «свои», арабские идейно-культурные корни (например, наличие, помимо ангелов и демонов, джиннов, гурий, райских отроков и т.п.) [14-16]. Весьма близка к библейской кораническая история «падшего» ангела Эблиса, т.е. история рождения сил зла в мире – демонов, восставших против Бога. «Учение Корана о последней судьбе мира находится в связи с историей сотворения человека и ангелов. Изречения Корана о том, что всякая душа умирает, что и ангелы должны умереть «в день великий», кажутся странными, если не сопоставить их с рассказами Корана о сотворении человека и ангелов и о падении их. Легенда Корана о происхождении мира демонов и борьбы их с человеком заслуживает внимания сама по себе, как восточно-народное,

своеобразное воспроизведение библейского рассказа, прифантазированное воспоминание Востока» [1, 114].

Ангелы же подчиняются воле Бога, выполняют различные функции – славят и поклоняются Всевышнему, передают его волю и откровение людям, находятся в раю и аду, наказывая там грешников и охраняя его пределы. Важнейшая функция ангелов – охрана людей от козней демонов, строгий учет и запись всех поступков человека. Ангелы вездесущи – находятся и на небе и на земле, «путешествуя» из одной области в другую. Однако важнейшая роль ангельских творений в мусульманском универсуме и космогонии не обеспечивает им вечной жизни. «Что касается природы ангелов, то как созданные, они смертны; они умрут (перед днем всеобщего воскресения), чтобы быть воскрешенными (39, 43). Эта мысль встречается в Коране только в двух местах и косвенно подтверждается выражением, обращенным к людям: **«Будучи сотворены, вы умрете и потом будете воскрешены в день воскресения»** (23, 15-18). Строгий исламский теоцентризм и здесь проявляется во все своей логичности: «Характер изложенного учения о телесной и смертной природе ангелов объясняется духом основной догмы Корана: **один Аллах бессмертен**. Для того, чтобы резче провести различие между тварью и Творцом, для того, чтобы величие Аллаха поставить безмерно превосходящим всякое мыслимое совершенство, Магомет или легенда Корана определяет на смерть и небытие даже высшие творения Бога – ангелов» [1, 116].

Заключение

В случае, когда речь идет о религиозной литературе, в которой представлена процедура понимания другой веры, ее смысла и логики, то освоение другой религиозной традиции в терминах своей очень сложна и, будем говорить откровенно, весьма проблематична. Каждая из религиозных традиций понимает себя как Богооткровенную и единственно верную. Но даже в рамках такого дискурса труды А.А. Гассиева обладают непреходящей ценностью. Во-первых, они демонстрируют характерную для XIX в. логику общения христианской литературы с иноверием, в данном случае с исламом. Во-вторых, подтверждают высокий статус богословия в российском исламоведении того времени, его содержательную наполненность и глубину. А.А. Гассиев постигает внутреннюю логику Корана, его оригинальную концепцию монотеизма, жесткая однозначность и последовательность которой ярко проявилась в мусульманской эсхатологии, осмысливающей воскресение как «второе творение». В то же время выделяются те моменты вероучения Корана, которые сближают, но и отличают его от христианского. Конечно, здесь еще не представлена установка постижения другой веры не как ложной, а как другой. Но сама глубина постижения, интеллектуальная честность ученого и богослова уже закладывают путь диалога и взаимопонимания.

Примечания:

1. А.А. Гассиев в своих исследованиях Корана пользовался переводами Г.С. Саблукова [17].
2. Магомет – принятая в европейской (прежде всего французской) историографии огласовка имени пророка Мухаммеда.
3. Хадисы – предания о словах и действиях пророка Мухаммеда, затрагивающие разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. Сумма хадисов образует Сунну.
4. Тафсир – толкование Корана и Сунны; дисциплина исламского богословия.

-
1. *Гассиев А.А.* Избранные произведения. Владикавказ: Ир, 1992. 440 с.
  2. *Айларова С.А.* Возможность диалога (об исламоведческих трудах А.А. Гассиева) // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 39(78). С. 49–59. DOI: 10.46698/VNC.2021.78.39.011
  3. *Боголюбский Н.И.* Ислам, его происхождение и сущность по сравнению с христианством. Опыт историко-апологетического учения. Самара: тип. М. Гран, 1885. 295 с.
  4. *Синайский А.Л.* Магометанство в его истории и отношении к христианству. Культурно-исторический очерк. СПб., 1902. 42 с.
  5. *Аквилонев Е.П.* О Божественности христианства и о превосходстве его над буддизмом и мохаммеданством. СПб.: тип. А. Меркушева, 1904. 115 с.
  6. *Череванский Вл.* Мир ислама и его пробуждение. Ч. 2. СПб., 1901. 255 с.
  7. *Кусаев В.Х., Елоева Т.А.* Проблемы гуманизма, религии и атеизма в философском наследии А.А. Гассиева. Владикавказ, 1994. 168 с.
  8. Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского, под ред. В.И. Беляева. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. 727 с.
  9. *Вогабов М.В.* Исламский монотеизм и феноменальные особенности // Исламоведение. 2011. №1. С. 4–19.
  10. *Гольдциер И.* Лекции об Исламе. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. 302 с.
  11. *Арзуманян А.Л.* Вопросы эсхатологии в мусульманской литературе. М.: Муравей, 2003. 207 с.
  12. *Эйвазов Назарий (Вайдас).* Учение о всеобщем воскресении в Коране и Библии: сравнительный богословский анализ // Христианское чтение. 2020. №3. С. 21–27.
  13. *Якимова Е.Г.* Проблема эсхатологии в христианской традиции: религиозно-философский анализ. Автореф. дисс... канд. филос. наук. Тула, 2012. 21 с.

14. *Глаголев А.* Ветхозаветное библейское учение об ангелах (опыт библейско-богословского исследования). Киев: Типография И.И. Горбунова, 1900. 705 с.

15. *Семенова С.О.* Проблема ангелологии в учении Восточной Церкви IV – начала VI вв. Автореф. дисс... канд. философ. наук. СПб., 2004. 23 с.

16. *Налич Т.С.* Ангелы и другие сверхъестественные существа в исламе. М.: Знак, 2009. 440 с.

17. Коран. Законодательная книга мухаммеданского вероучения. Пер. и приложения к переводу Г. Саблукова. Казань: Типография Императорского Университета, 1877. 1184 с.

ISLAMIC STUDIES A.A. GASSIEVA: ESCHATOLOGICAL KORAN CONCEPT.

Aylarova, Svetlana A. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, History Department, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-5098-5077>; aylarova54@mail.ru

Keywords: *Ossetian intelligentsia, Orthodoxy, Islam, Koran, A.A. Gassiev, eschatology, angelology, interreligious dialogue.*

The article is devoted to an important part of the Islamic studies works of the Ossetian educator, religious scholar and theologian A.A. Gassiev – analysis of the eschatological concept of the Koran. Gassiev's theological works were in line with the church's anti-Muslim polemics, but were distinguished by the desire to explain Islam as a special religious phenomenon, and included reliance on European and Russian academic oriental studies and religious studies. The fundamental principle of his works is Islamic monotheism, which was formed under the influence of the Judeo-Christian idea of the unity of God. The author notes the rigor and consistency of the Koranic theocentrism, its manifestation in eschatology, understood as the "second creation". The attributes of eternity, immortality and creativity are clearly postulated as belonging only to God. The original Koranic cosmology notes the closeness of the two figurative-noumenal systems of Islam and Christianity, their angelology and demonology, which have the same biblical source. The Koranic story of the "fallen" angel Eblis is close to the biblical one, i.e. the story of the birth of the forces of evil in the world - demons who rebelled against God. However, emphasizing the mortality of angels indicates the consistency of Islamic theocentrism, where immortality belongs only to Allah. Works of A.A. Gassiev demonstrate the logic of communication between Christian literature and other faiths, in this case, Islam, characteristic of the XIXth century. At the same time, they confirm the high status of theology in Russian Islamic studies of that time, its content and depth. The attitude towards comprehending another faith not as false, but as different, has not yet been presented. But the depth of comprehension and intellectual honesty of the scientist and theologian lay the path for dialogue and mutual understanding.

For citation: Aylarova, S.A. *Islamic Studies* A.A. Gassieva: eschatological Koran concept. *KAVKAZ-FORUM*. 2024, iss. 17(24), pp. 47-57. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.003

REFERENCES

1. Gassiev, A.A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 440 p.
2. Ailarova, S.A. *Vozmozhnost' dialoga (ob islamovedcheskikh trudakh A.A. Gassieva)* [Possibility of dialogue (about the Islamic studies works of A.A. Gassiev)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 39(78), pp. 49–59. DOI: 10.46698/VNC.2021.78.39.011
3. Bogolyubskii, N.I. *Islam, ego proiskhozhdenie i sushchnost' po sravneniyu s khristianstvom. Opyt istoriko-apologeticheskogo ucheniya* [Islam, its origin and essence in comparison with Christianity. Experience of historical and apologetic teaching]. Samara, Tipografiya M. Gran, 1885. 295 p.
4. Sinaiskii, A.L. *Magometanstvo v ego istorii i otnoshenii k khristianstvu. Kul'turno-istoricheskii ocherk* [Mohammedanism in its history and relation to Christianity. Cultural and historical essay]. St. Petersburg, 1902. 42 p.
5. Akvilonov, E.P. *O Bozhestvennosti khristianstva i o prevoskhodstve ego nad buddizmom i mokhammedanstvom* [About the Divinity of Christianity and its superiority over Buddhism and Mohammedanism]. St. Petersburg, Tipografiya A. Merkusheva, 1904. 115 p.
6. Cherevanskii, V.I. *Mir islama i ego probuzhdenie* [The world of Islam and its awakening]. Part 2. St. Petersburg, 1901. 255 p.
7. Kusaev, V.Kh., Eloeva, T.A. *Problemy gumanizma, religii i ateizma v filosofskom nasledii A.A. Gassieva* [Problems of humanism, religion and atheism in the philosophical heritage of A.A. Gassieva]. Vladikavkaz, 1994. 168 p.
8. Belyaev V.I. (ed.). *Koran* [Koran]. Translation and comments by I.Yu. Krachkovsky. 2nd edition. Moscow, Nauka, 1986. 727 p.
9. Vogabov, M.V. *Islamskii monoteizm i fenomenal'nye osobennosti* [Islamic monotheism and phenomenal features]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2011, no.1, pp. 4–19.
10. Gol'dtsier, I. *Lektsii ob Islame* [Lectures on Islam]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron, 1912. 302 p.
11. Arzumanyan, A.L. *Voprosy eskhatologii v musul'manskoi literature* [Questions of eschatology in Muslim literature]. Moscow, Muravei, 2003. 207 p.
12. Eivazov Nazarii (Vaidas). *Uchenie o vseobshchem voskresenii v Korane i Biblii: sravnitel'nyi bogoslovskii analiz* [The doctrine of the general resurrection in the Koran and the Bible: comparative theological analysis]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 2020, no. 3, pp. 21–27.

13. Yakimova, E.G. *Problema eskhatologii v khristianskoi traditsii: religiozno-filosofskii analiz* [The problem of eschatology in the Christian tradition: religious and philosophical analysis]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philosophy). Tula, 2012. 21 p.

14. Glagolev, A. *Vetkhovetnoe bibleiskoe uchenie ob angelakh (opyt bibleisko-bogoslovskogo issledovaniya)* [Old Testament biblical teaching about angels (experience of biblical and theological research)]. Kiev, Tipografiya I.I. Gorbunova, 1900. 705 p.

15. Semenova, S.O. *Problema angelologii v uchenii Vostochnoi Tserkvi IV – nachala VI vv.* [The problem of angelology in the teaching of the Eastern Church of the 4th – early 6th centuries]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philosophy). St. Petersburg, 2004. 23 p.

16. Nalich, T.S. *Angely i drugie sverkh"estestvennye sushchestva v islame* [Angels and other supernatural beings in Islam]. Moscow, Znak, 2009. 440 p.

17. *Koran. Zakonodatel'naya kniga mukhammedanskogo veroucheniya* [Koran. Legislative book of the Mohammedan doctrine]. Translation and appendices to the translation by G. Sablukov. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1877. 1184 p.